

На правах рукописи

Григорьева Ксения Сергеевна

**ТЕРАКТЫ С ЗАХВАТОМ ЗАЛОЖНИКОВ: ПОВЕДЕНИЕ, МОТИВАЦИЯ
РАЗЛИЧНЫХ ГРУПП УЧАСТНИКОВ СОБЫТИЙ (НА ПРИМЕРЕ ТЕРАКТОВ В
БУДЕННОВСКЕ, КИЗЛЯРЕ, МОСКВЕ И БЕСЛАНЕ)**

Специальность 23.00.02

Политические институты, этнополитическая конфликтология, национальные
и политические процессы и технологии

АВТОРЕФЕРАТ

Диссертации на соискание ученой степени
кандидата социологических наук

19 НОЯ 2009

Москва - 2009

Диссертация выполнена в Центре исследования межнациональных
отношений
Учреждения Российской академии наук Институт социологии РАН

Научный руководитель

доктор социологических наук
Мукомель Владимир Изявич

Официальные оппоненты:

доктор политических наук,
профессор
Паин Эмиль Абрамович

доктор социологических наук,
профессор
Дзудев Хасан Владимирович

Ведущая организация:

Институт этнологии и антропологии РАН

Защита состоится «02» декабря 2009 г. в «14» часов на заседании
Диссертационного совета Д.002.011.02 в Учреждении Российской академии
наук Институт социологии РАН по адресу: 117218, г. Москва, ул.
Кржижановского, д.24/35, к.5, ауд.323

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Учреждения Российской
академии наук Институт социологии РАН.

Автореферат разослан «20» октября 2009 г.

Ученый секретарь Диссертационного совета,
кандидат социологических наук

И.О. Тюрина

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования

Терроризм в классическом понимании этого термина (политический терроризм) практически не был известен в СССР. Теракты представляли собой достаточно редкое явление и не имели крупного общественного резонанса поскольку не получали широкого освещения в СМИ.

После распада Советского Союза, повлекшего за собой целую волну вооруженных столкновений на постсоветском пространстве, проблема терроризма встала весьма остро. Террористические стратегии начали активно использоваться в некоторых локальных вооруженных конфликтах на территориях бывших союзных республик. С появлением независимых СМИ информация о террористических атаках стала общедоступной, а сами теракты превратились в значимый инструмент воздействия на общественные настроения, начали генерировать в обществе специфические дискурсы, менять конфигурацию взаимоотношений между акторами, в той или иной степени затронутыми терроризмом, что предопределяет необходимость их детального исследования.

В России самыми крупными террористическими атаками стали захваты заложников в Буденновске, Кизляре, Москве (захват театрального центра на Дубровке) и Беслане. Перечисленные теракты оказали значительное воздействие на российский общественно-политический ландшафт.

К исследованию терроризма отечественные ученые приступили ещё в восьмидесятые годы XX века. Однако активное изучение этой темы началось в российской науке лишь в 1990-е годы.

В настоящее время имеется множество как отечественных, так и зарубежных работ, посвящённых проблеме терроризма. Вместе с тем, в большинстве из них терроризм рассматривается на макроуровне с

использованием таких категорий как «общество», «государство» и «терроризм»¹.

В представленной работе предпринята попытка изучения терроризма на уровне взаимодействия конкретных социальных акторов, вовлеченных в теракт, с использованием качественных методов социологической науки. Такой подход позволяет проследить взаимодействие различных акторов во время и после терактов, что, в свою очередь, способствует лучшему пониманию того, как общество, являющееся объектом «нападения», реагирует на террористические атаки.

Степень научной разработанности проблемы

История целенаправленного изучения терроризма насчитывает около пятидесяти лет. Становление этого научного направления можно отнести к началу шестидесятых годов XX века, когда в западной научной литературе стали появляться работы, где терроризм рассматривался как отдельная исследовательская тема. Пионерами здесь можно считать Б. Крозье², Р. Арона³ и Т.П. Торнтон. Первые два автора в начале 1960-х годов посвятили теме терроризма специальные разделы своих монографий, а Т.П. Торнтон стал известен своей статьей «Терроризм как оружие политической агитации»⁴, в которой выдвинул утверждение, впоследствии ставшее классическим, согласно которому терроризм представляет собой символический акт.

Первой монографией, посвященной терроризму, можно считать монографию Э.В. Вальтера «Террор и сопротивление»⁵. В ней, однако, речь шла о государственном терроризме, чаще всего именуемом «террором». Оппозиционный же терроризм, практикуемый негосударственными

¹ Рассмотрение проблемы терроризма на уровне взаимоотношений акторов-участников террористических ситуаций можно обнаружить в основном лишь в журналистских и публицистических очерках, посвященных тем или иным террористическим актам.

² Crozier B. The Rebels. A study of post-war insurrections. - London: Chatto and windus, 1960.

³ Aron R. Paix et Guerre entre les nations. - Paris: Calmann-Levy, 1962.

⁴ Thornton T. P. Terror as a weapon of political agitation // Internal War. Problems and approaches / Ed. By Harry Eckstein. - London: The Free Press of Glencoe Collier-Macmillan Limited, 1964. P. 71-99.

⁵ Walter E.V. Terror and resistance. A study of political violence with case studies of some primitive African communities. - N.Y.: Oxford University Press, 1969.

оппозиционными группами, впервые был детально рассмотрен в монографии Т.Р. Гарра «Почему люди бунтуют?»⁶, где была предложена ставшая впоследствии популярной концепция «относительной депривации».

До середины 1970-х годов академические работы, посвященные терроризму, пытались ответить на классический набор исследовательских вопросов об определении, генезисе, типологии и возможных перспективах развития изучаемого явления. Однако во второй половине 1970-х годов в исследовательских кругах возникло направление, позиционировавшее себя как альтернативное предшествующим работам. Одним из самых ярких его представителей стал американский историк и политолог Уолтер Лакер. В 1977 году в своей монографии «Терроризм»⁷ он выступил с целым рядом критических тезисов относительно академических работ, посвященных терроризму. Главным объектом критики У. Лакера стали попытки исследователей выработать единое определение терроризма и ответить на вопрос о причинах его возникновения. Эти попытки были объявлены У. Лакером бесперспективными. Сам же он выдвинул тезис о том, что терроризм – явление настолько разнообразное, что найти для него всеобъемлющее определение и выявить общие порождающие его причины невозможно. По мнению У. Лакера, исследователям следовало отказаться от абстрактных теоретических рассуждений, касающихся природы и сущности терроризма, и сосредоточиться на описании и классификации видов терроризма, оппозиционного демократическим государствам, а также на выработке практических рекомендаций по борьбе с ним.

Сторонники прежнего подхода к исследованию терроризма не приняли тезисов, озвученных У. Лакером. Наиболее четко возражения У. Лакеру сформулировал английский политолог Алекс Шмид, указавший в работе «Политический терроризм»⁸ на то, что отказ от выработки общего

⁶ Gurr T.R. *Why men rebel?* - Princeton: Princeton University Press, 1970.

⁷ Laqueur W. *Terrorism*. - London: Weidenfeld and Nicolson, 1977.

⁸ Schmid A.P., Jongman A.J. et al. *Political terrorism. A new guide to actors, authors, concepts, data bases, theories, and literature*. - Amsterdam; Oxford; N.Y.: North-Holland Publishing Company, 1988.

определения терроризма дает возможность для обозначения этим термином любых явлений, в зависимости от текущей конъюнктуры. Кроме того, с его точки зрения, определение основной исследовательской задачи в плоскости выработки рекомендаций по борьбе с терроризмом нарушает базовый принцип научного исследования, требующий от учёного сохранения дистанции по отношению к объекту изучения.

Однако новое направление быстро приобрело популярность, и во второй половине 1970-х – начале 1980-х годов появился целый ряд авторов (Й. Александер, Б. Дженкинс, Р. Купперман, Э. Миколус, О. Трэйджер, Р. Фридландер), уделявших основное внимание классификации существующих оппозиционных террористических движений и вопросам выработки эффективной стратегии борьбы с ними.

Таким образом, к концу 1970-х годов на Западе оформились два крупных конкурирующих подхода к исследованию терроризма, один из которых носил фундаментально-академическую, а другой - практико-ориентированную направленность.

Помимо двух обозначенных выше направлений, где терроризм изучался как определённое социальное явление, в семидесятые-восемидесятые годы XX века появились и работы, рассматривающие проблему терроризма на уровне отдельных террористических организаций (Дж. Беккер, Дж.Б. Бэлл, Р.П. Кларк, Х. Коббан, М. Креншо, Л. Фурнье), а также конкретных террористических ситуаций (Р.Э. Вагнер-Пацифити, Т. Вильямсон, У. Дан, С. Стивенсон).

Отечественные учёные обратили внимание на проблему терроризма несколько позже, чем их западные коллеги. Публикации, посвящённые терроризму, начинают последовательно выходить в СССР только в восьмидесятые годы XX века (В.В. Витюк, А.В. Кемов, Л.А. Моджорян, В.И. Москвин, М.М. Непесов, С.Л. Павлов, В.Н. Сапрыков, С.А. Эфиров). При этом историю изучения терроризма отечественными авторами также можно

разделить на два больших этапа, водоразделом между которыми служат 1990-е годы.

Первый этап характеризуется выработкой единой концепции терроризма, которой вплоть до начала девяностых годов XX века придерживались все советские авторы. В рамках данной концепции, в соответствии с трактовкой В.И. Ленина, главной отличительной чертой терроризма признавалась его отдалённость от массовой борьбы. Сам терроризм рассматривался как авантюристическая стратегия «мелкобуржуазных революционеров»⁹, а его основные причины усматривались в «углубляющемся экономическом и морально-политическом кризисе капитализма, в обострении всех его антагонистических противоречий»¹⁰.

Второй этап связан с распадом Советского Союза и нарушением монолитности трактовки терроризма отечественными учёными. С девяностых годов XX века происходит отказ от единообразной советской концепции, начинают перениматься западные подходы к исследованию терроризма. Кроме того, с актуализацией проблемы терроризма на постсоветском пространстве общее количество отечественных работ, посвященных ей, стремительно возрастает.

В настоящее время и на Западе, и в России опубликованы результаты сотен исследований, в которых терроризм рассматривается с самых разнообразных позиций. Так, изучение терроризма как социально-политического явления предпринимается в работах П. Вилкинсона, В.В. Витюка, Х.В. Дзуцева, Ю.Н. Дорожкина, В.Н. Иванова, Л.О. Изилиевой, С.К. Комбс, М. Креншо, Э.А. Паина, Дж.Я. Росса, М.П. Требина, Б. Хоффмана, С.А. Эфирова и др.

Вопросам противодействия терроризму значительное внимание уделяется в работах Й. Александера, Ю.М. Антоняна, Б.М. Дженкинса, Э.С.

⁹ Непесов М.М., Сапрыков В.Н. Современный терроризм: социальные истоки, цели, проявления. - М.: Знание, 1984. С.11.

¹⁰ Иванов А.И., Иванов В.Г. Терроризм: политика, практика, идеология. - М.: Знание, 1983. С.14.

Издадуста, В.Н. Кудрявцева, Р. А. Куппермана, У. Лакера, Н.С. Ливингстона, Е.Г. Ляхова, В.Е. Петрищева, А.В. Попова.

Юридические вопросы терроризма рассматриваются в трудах Ю.М. Антоняна, А. Бьянчи, Ю.Н. Дерюгина, С.У. Дикаева, В.П. Емельяновым, К. Уолкера, Р.А. Фридландера.

Исторические аспекты терроризма исследуются такими авторами, как О.В. Будницкий, А. Гейфман, Р.А. Городницкий, К.В. Гусев, У. Лакер.

С позиций психологии проблема терроризма анализируется в работах Д.В. Ольшанского, М.М. Решетникова, Н.Дж. Смелзера, В.А. Соснина, Д.В. Сочивко, К.Е. Стоута, Ф.Дж Хакера, Дж. Хоргана и др.

Отдельным террористическим движениям, а также биографиям террористов посвящены монографии Дж. Беккер, Дж. Бэлла, Р. Кларка, Х. Коббан, М. Левитта, Л. Фурнье, А. Робинсона, Ж. Роллана, Дж. Рэндала, К. Смита, Дж. Фоллейна.

Несмотря на обилие литературы, посвященной проблемам терроризма, мы вынуждены признать недостаток исследований, в которых терроризм рассматривался бы на уровне взаимоотношений конкретных социальных акторов и отдельных террористических ситуаций.

Нельзя сказать, что литература, где рассматривались бы отдельные террористические ситуации и конкретные социальные акторы – участники этих ситуаций, полностью отсутствует. Так, предметом рассмотрения целого ряда работ становятся лица, вовлеченные в теракты (заложники, журналисты, представители силовых структур, переговорщики, террористы)¹¹. Однако, во-первых, значительная часть этих работ носит публицистический характер, а, во-вторых, в подавляющем большинстве случаев их авторы выступают либо в роли критиков, либо в роли защитников тех или иных акторов. Кроме того,

¹¹ Например: Болтунов М.Е. «Альфа» не хотела убивать. - СПб: Изд-во фирмы "Шанс", 1995; Юзик Ю. Невесты Аллаха: лица и судьбы всех женщин-шахидок, взорвавшихся в России. - М.: Ультра. Культура: ОМ журн., 2003; Каунова Ю.А. Два черных утра: сентябрь-декабрь 2003. - Пятигорск; Кисловодск: МИЛ, 2004; Журналисты и терроризм. - М.: Права человека, 2008.

сами акторы имеют тенденцию рассматриваться изолированно, а не во взаимосвязи друг с другом.

Работы же, посвященные отдельным террористическим ситуациям¹² имеют, как правило, целью либо открыть читателю «правду» об описываемом событии, либо выяснить, кто «виноват» в случившемся, либо отдать дань памяти погибшим во время теракта¹³.

Нами не было обнаружено ни одной работы, где теракт рассматривался бы как особая социальная ситуация, характеризующаяся специфическим набором устойчивых ролей и правил взаимодействия участников.

Объект исследования - основные акторы террористической ситуации с захватом заложников: пострадавшие (заложники и их родственники); представители силовых структур; сотрудники МЧС; общественные деятели, принимавшие участие в переговорах с террористами; журналисты, освещавшие теракты.

Предмет исследования - взаимодействие перечисленных акторов в ситуации теракта с захватом заложников.

Цель исследования — выявление факторов, обуславливающих конфликты между акторами и коалициями акторов на основе анализа их профессиональных норм, стандартных оценок ситуации и дискурсов, а также их функциональных ролей в ситуации теракта с захватом заложников.

¹² К примеру: Stevenson W. 90 minutes at Entebbe. Toronto etc.: Bantam books, 1976; Williamson T. Counterstrike Entebbe. - London: Collins, 1976; Ben-Porat Y. Entebbe rescue. - N.Y.: Dell, 1977; Мейсан Т. Чудовищная махинация, 11 сентября 2001 года: Никакой самолет не рухнул на Пентагон! / Пер. с фр. Г.А. Массарыгина. - М.: Carnot, 2002; Дуайер Дж., Флинн К. Башни-близнецы. 102 минуты борьбы за жизнь / Пер. с англ. Н. А. Вуль и Н. Н. Власова. - СПб: Амфора, 2006; Буденновск: семь дней ада: о захвате заложников чеченскими боевиками в июне 1995 г.: Сборник. - М.: Кодекс, 1995; Тополь С. Буденновск: репортаж под прицелом. - М.: Де-Факто, 2005; Попова Т. Норд-Ост глазами заложницы. - М.: Вагнус, 2002; Степаков В. Битва за «Норд-Ост». - М.: ЭКСМО, 2003; Беслан. Кто виноват? - М.: Совершенно секретно, 2005; 01.09. Бесланское досье. Состояние на 07.03.2005 / Уве Бузе и др.; пер. с нем. А.Батрака - М.: AdMarginem, 2005; Горяинов С. Деньги террора: кто оплатил Беслан? - М.: Европа, 2005; Беслан. Три года спустя..., 1.09-3.09.2004г. - Владикавказ: РУХС, 2007.

¹³ Единственное известное нам исключение - монография Р.Э.Вагнер-Пацифици, (The Moral morality play: Terrorism as social drama. - Chicago; London : Univ. of Chicago press, 1986), в которой повышение итальянского политика рассматривается как ситуация сконструированного социального и политического кризиса, в создании которого принимает участие множество социальных акторов и институтов.

В задачи диссертационного исследования входит:

1. Рассмотреть основные подходы к исследованию терроризма.
2. Проанализировать наиболее распространенные критические дискурсы, относительно поведения пяти исследуемых акторов, находящихся в ситуации теракта.
3. Рассмотреть интересы и профессиональные нормы различных акторов, логику их поведения в ситуации теракта.
4. Выявить конфликты и коалиции акторов.
5. Выявить модели поведения акторов, вовлеченных в теракт с захватом заложников.
6. Разработать схему, описывающую взаимодействие исследуемых акторов в ситуации теракта.

Гипотезы исследования:

1. Ситуация теракта с захватом заложников, как и всякая социальная ситуация, характеризуется наличием набора устойчивых ролей и правил поведения вовлеченных в нее акторов.
2. Разные социальные акторы - участники ситуации теракта с захватом заложников по-разному интерпретируют данную ситуацию.
3. Поведение акторов определяется, с одной стороны, той ролью, которую они в ней играют, а, с другой стороны, правилами, нормами и схемами интерпретации, интериоризированными акторами до попадания в указанную ситуацию.

Теоретико-методологическая база исследования

Диссертация опирается на теоретические и методологические построения классиков социологии и современных исследователей, работающих в области социальных наук. Значительное влияние на осмысление автором заявленной проблемы оказали работы П. Бергера и Т. Лукмана, Л. Болтански, П.Бурдьё, М. Вебера, Э. Гидденса, И. Гофмана, А.Шюца, Н. Элиаса.

Основными теоретическими положениями, легшими в основу концептуальной модели, использованной в работе для анализа собранного эмпирического материала, стали идеи структурно-конструктивистского социологического подхода.

За отправную точку было принято положение о том, что поведение и мировосприятие индивидов обусловлено их социальными связями, социальным статусом и функционированием социальных институтов. С позиции данного положения респонденты рассматривались как носители определённых знаний, норм, ценностей и моделей поведения, сформированных в тех социальных группах, к которым они принадлежат.

Вторым положением, принятым в качестве базового, стало положение о том, что социальные акторы не только подвергаются влиянию со стороны общества, но и, в процессе интеракций, поддерживают и видоизменяют модели социального взаимодействия. С данной позиции повторяющиеся действия представителей разных социо-профессиональных групп во время терактов рассматривались как работа по созданию и поддержанию определённых моделей поведения в указанных ситуациях.

Методология проведения исследования основывалась на требованиях М.Вебера¹⁴, развитых и уточнённых А.Шюцем¹⁵. Так, были приняты методологические требования о необходимости выявления смысла, который рассматриваемые социологом акторы вкладывают в социальную реальность, а также о конструировании идеальных типов на основе наблюдения за поведением акторов.

Другим методологическим инструментом, использованным в работе, стала концепция фреймов И. Гофмана¹⁶, предполагающая что определение

¹⁴ Вебер М. Избранные произведения. Пер. с нем. / Сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова; предисл. П.П. Гайденко. - М.: Прогресс, 1990.

¹⁵ Шюц А. Избранное. Мир, светящийся смыслом/ Пер. с нем. и англ.: В. Г. Николаев и др.; сост.: Н. М. Смирнова; общ. и науч. ред., послесл. Н. М. Смирновой. - М.:РОССПЭН, 2004.

¹⁶ Гофман И. Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта / Пер. с англ. Р. Е. Бумагина и др. - М.: Ин-т социологии РАН: Ин-т Фонда «Обществ. Мнение», 2003.

актерами ситуации, в которой они находятся, и их действия в этой ситуации базируются на существующих «схемах интерпретации» (фреймах).

Кроме того, изучение ситуации конфликтного взаимодействия социальных акторов побудило нас обратиться к методологическому подходу, предложенному в 1990 году Л. Болтански¹⁷. Суть данного подхода заключается в том, что социолог, исследующий поведение социальных акторов, должен изучить их критические и оправдательные дискурсы, поскольку в них наиболее четко выражаются позиции акторов. Следуя данным методологическим рекомендациям, мы проанализировали критику, адресуемую друг другу группами, вовлеченными в теракт, а также их контраргументы.

В качестве примеров террористических атак в исследовании рассматриваются крупнейшие российские террористические акты с захватом заложников, произошедшие в Буденновске, Кизляре, Москве и Беслане.

Выбор пяти исследуемых акторов (пострадавших от терактов, представителей силовых структур, сотрудников МЧС, переговорщиков-общественников, журналистов) определен тем, что они являются непосредственными участниками событий.

Группа террористов была исключена из рассмотрения, поскольку исследовался эффект, производимый террористической атакой на представителей общества, подвергшегося террористическому нападению.

Методика работы включает анализ научных публикаций, посвященных проблеме терроризма на русском, французском и английском языках.

Основным методом проведения эмпирического исследования стали глубинные интервью с представителями изучаемых групп.

Эмпирическую базу исследования составляют глубинные интервью с основными актерами, вовлеченными в теракт. Всего было проведено 82 интервью, в т.ч. 15 интервью с представителями силовых структур, 16 интервью с сотрудниками МЧС РФ, 25 интервью с бывшими заложниками и

¹⁷ Boltanski L. Sociologie critique et sociologie de la critique // Politix. № 10-11. 1990, P. 124-134.

их родственниками, 13 интервью с журналистами, 13 интервью с представителями общественных организаций. Продолжительность интервью составляла от получаса до трёх часов.

Материалы были получены в ходе сбора полевых данных в гг. Кизляре, Буденновске, Беслане и Москве в 2006-2008 гг.

Научная новизна исследования:

1. Впервые на российском материале проблема терроризма рассмотрена на уровне взаимодействия конкретных социальных акторов в ситуации теракта с захватом заложников с использованием качественных методов социологического исследования.
2. Рассмотрены критические дискурсы относительно мотивации и поведения исследуемых акторов.
3. Установлена специфика ролевых интересов и профессиональных норм различных акторов, определяющих логику их поведения в ситуации теракта.
4. Выявлены схемы поведения рассматриваемых акторов в ситуации теракта с захватом заложников.
5. Установлены типичные конфликтные ситуации, подталкивающие акторов к формированию антагонистических коалиций.
6. Разработана модель, реконструирующая устойчивые схемы взаимодействия исследуемых групп в ситуации теракта с захватом заложников.

Практическая значимость

Результаты, представленные в диссертационном исследовании, могут использоваться при разработке стратегий разрешения терактов с захватом заложников, а также при выработке мер, направленных на минимизацию и устранение последствий терактов.

Результаты исследования могут быть учтены в работе с представителями пяти исследуемых групп (при разработке различных целевых, реабилитационных, профессиональных и др. программ для них).

Полученные результаты также могут использоваться при разработке и чтении курсов «Конфликтология» и «Социология конфликта».

Положения, выносимые на защиту:

1. Исследование проблемы терроризма с помощью таких категорий как «общество», «терроризм» и «государство» не может дать достаточного представления о нём. Необходимо дополнить данный подход изучением проблемы на уровне исследования взаимодействия групп, затронутых терроризмом.
2. Дискурсы, поведение акторов, конфликты между ними и образуемые коалиции в ситуациях терактов с захватом заложников носят возобновляемый от теракта к теракту характер.
3. Взаимоотношения между коалициями, в первую из которых входят пострадавшие от терактов, переговорщики-общественники и журналисты, а во вторую – сотрудники МЧС и силовых структур, в рассматриваемых актах устойчиво конфликтны.
4. Стратегии, логика и правила поведения акторов определяются той ролью, которую они играют в ситуации теракта с захватом заложников, профессиональными нормами, принятыми в их среде, а также поведением других акторов.
5. Конфликт между группами обусловлен противоречивостью их ролей, несовпадающими профессиональными правилами и схемами интерпретации данной ситуации.

Апробация положений диссертационного исследования

Основные положения диссертационного исследования опубликованы в 6 печатных работах автора (общим объемом 2,25 п.л.), в т.ч. в опубликованных в изданиях, рекомендованных ВАК.

Результаты исследования представлены в докладах, подготовленных для всероссийских и международных научных конференций: «Толерантность и интолерантность» (Санкт-Петербург, 2008), «Глобализация и терроризм» (Москва, 2008); Всероссийский социологический конгресс (Москва, 2008).

Работа обсуждена и рекомендована к защите.

Структура диссертации

Диссертация состоит из введения, четырех глав, заключения, списка использованной литературы и приложения.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во «Введении» обосновывается актуальность избранной темы, рассматривается степень разработанности проблемы, определяются предмет, объект, цель, задачи и гипотезы диссертационной работы, раскрываются теоретико-методологические подходы исследования, его эмпирическая база, формулируются положения, выносимые на защиту, обосновывается научная новизна и практическая значимость.

В Главе I «Теоретико-методологические подходы к исследованию терроризма» проводится обзор основных теоретических подходов к изучению терроризма, анализируются возможности, предоставляемые ими в части исследования данного социального явления, обосновывается необходимость изучения терроризма на уровне исследования взаимодействия акторов.

В §1 первой главы «Основные теоретические подходы к исследованию терроризма» схематично обрисовывается исторический процесс развития исследований терроризма. Прослеживается путь от выделения его в отдельную научную проблему и появления исследований, предлагающих первые полноценные концептуальные модели терроризма, до современного состояния, характеризующегося наличием широкого диапазона исследований, посвященных данной проблеме.

Выделяются основные этапы процесса исследования терроризма на Западе и в России. Выявляются и исследуются основные подходы к изучению терроризма, рассматриваются их аналитические и практические возможности и ограничения.

В §2 первой главы «Концептуальная и методологическая база диссертационного исследования» раскрываются теоретические и теоретико-методологические положения, лежащие в основу методов сбора, обработки и анализа эмпирической информации, собранной в ходе исследования.

В главе II «Анализ дискурсов основных участников ситуации теракта с захватом заложников» рассматриваются критические и оправдательные дискурсы основных акторов, находящихся в ситуации теракта с захватом заложников. На основе анализа дискурсов проясняются занимаемые акторами позиции в ситуации теракта, реконструируется восприятие ими данной ситуации, своих действий и действий других акторов.

В §1 второй главы «Заложники: дискурс «стокгольмского синдрома» анализируется критическое рассуждение в адрес пострадавших, что в ситуации теракта у них развивается так называемый «стокгольмский синдром», в результате чего они начинают сочувствовать террористам и проявлять агрессию к своим освободителям. Приверженцы данного критического рассуждения считают поведение заложников неадекватным.

В обыденном представлении взаимодействие террористов, заложников и участников спецоперации выглядит следующим образом: заложники являются жертвами, террористы – агрессором, враждебной для заложников группой, участники спецоперации – спасителями заложников. Нормальным поведением заложников в такой конфигурации признается благодарность заложников освободителям и враждебность к террористам. Иными словами критерием адекватности поведения заложников служит симметричность их ответа на действия двух других групп («правило взаимности»). Демонстрируя неприязнь к освободителям и терпимость к террористам, заложники нарушают «правило взаимности», что и является основанием для интерпретации их поведения как неадекватного.

Однако обыденное представление о взаимодействии террористов, заложников и освободителей, чаще всего не соответствует действительности. При штурме террорист обычно использует заложника в качестве «живого щита». В данной ситуации и террористы, и освободители представляют угрозу для заложника, а, следовательно, враждебны ему. Вследствие этого нормальной (симметричной) реакцией заложника является ответная враждебность по отношению к обеим опасным для него группам. Причём наибольшую неприязнь вызывает освободитель, поскольку именно он в момент штурма, чаще всего, представляет для заложника наибольшую угрозу.

Поведение пострадавших от терактов меняется в соответствии с поведением террористов и участников спецоперации. Заложники положительно отзываются о террористах, если те во время штурма вместо того, чтобы использовать захваченных как живой щит, предлагают им перейти в более безопасное место. Одновременно, пострадавшие с благодарностью рассказывают об участниках спецоперации, если их действия соответствуют роли спасителей - например, когда они эвакуируют раненных заложников, или закрывают их от ведущих огонь террористов.

Таким образом, поведение заложников ненормально (асимметрично) лишь в обыденном представлении о взаимодействия групп, тогда как в реальной ситуации поведение заложников обычно соответствуют «правилу взаимности», представляя собой симметричный ответ на действия двух других групп (террористов и освободителей).

В §2 второй главы «Военные: дискурс профессионализма» анализируются критические рассуждения в адрес сотрудников силовых структур.

Первое обвинение опирается на то, что небольшие отряды террористов достаточно долгое время сдерживают натиск сил антитеррора, значительно превосходящих их по численности. Этот факт критики представителей силовых структур интерпретируют в том смысле, что численный перевес

военных компенсируется более высоким профессиональным уровнем террористов. Сами представители силовых структур, однако, отказываются признавать данную интерпретацию адекватной, поскольку в ней не принимается в расчет выигрышность стратегической позиции террористов. С учетом же данного обстоятельства длительное противостояние террористов и представителей силовых структур не будет казаться экстраординарным.

Второе обвинение, адресованное военным, заключается в том, что они не прикладывают достаточных усилий для достижения нужного результата (освобождения всех заложников и нейтрализации всех террористов). Оно основывается на убеждении, что участники спецопераций обладают некими сверхвозможностями, которые не задействуют. Представители силовых структур возражают, что сверхвозможности экранных героев - не более чем трюки, несоответствующие действительности, а спецоперация - ситуация с высокой степенью неопределенности: поскольку действия террористов и всякого рода случайности не могут быть точно спрогнозированы, то и результат спецоперации, независимо от уровня её организации, мало предсказуем.

Третье обвинение основывается на том, что при проведении спецоперации часто страдают не только террористы, но и заложники. Этот факт критики военных объясняют низким профессиональным уровнем штурмующих и тем, что они не соблюдают щадящий режим проведения операции. Контраргумент представителей силовых структур: в условиях ведения боевых действий никакой режим не может гарантировать того, что заложники не пострадают от рук штурмующих, участники спецоперации и так используют ограниченный набор средств подавления противника. Гибель части заложников от действий штурмующих допускается, и, с их точки зрения, не является свидетельством непрофессионализма.

В §3 второй главы «Спасатели: дискурс пассивности» разбирается критическое рассуждение в адрес спасателей, согласно которому в ситуации теракта они бездействуют или действуют слишком медленно.

Сотрудники служб спасения не отрицают задержек, с которыми они приступают к эвакуации пострадавших, а также того факта, что врачи скорых отсутствуют в непосредственной близости от захваченных зданий, однако они не считают критику в свой адрес оправданной.

Спасатели утверждают, что согласно алгоритму действий, установленному для врачей и сотрудников МЧС на терактах, они не имеют права входить в зону, где существует опасность для их жизни. Регулярные задержки, с которыми сотрудники МЧС приступают к эвакуации пострадавших, вызваны, с одной стороны, профессиональными правилами, установленными для спасателей при работе на терактах, а с другой – решениями представителей силовых структур. Согласно профессиональным правилам сотрудников МЧС РФ они могут заходить в захваченное здание только по команде военных. Военные же не должны давать им этой команды, пока для спасателей не будут созданы безопасные условия, то есть до завершения боестолкновения и разминирования захваченных помещений.

Ни значительный временной зазор между началом штурма и эвакуацией пострадавших, ни фактическое бездействие некоторых служб спасения, по утверждению спасателей, не является чем-то экстраординарным или ошибочным.

В §4 второй главы «Переговорщики-общественники: дискурс PR» рассматриваются критические дискурсы, согласно которым переговорщики-общественники «делают PR на крови».

Первое обвинение заключается в том, что общественники «назойливо» вмешиваются в происходящие события, нередко предлагая себя в качестве переговорщиков. Сами общественники отказываются признавать названное обвинение обоснованным, поскольку оно не учитывает, что решение об их включении в переговоры всегда принимается коллективно и базируется на согласии самих общественников, членов оперативного штаба и террористов.

Второе обвинение состоит в том, что переговорщики-общественники стремятся к «паблисити», что для них переговоры являются лишь средством

привлечения к себе внимания. Контраргументы общественников: во-первых, любое их действие рассматривается сквозь призму принадлежности к сообществу публичных персон, и, во-вторых, использование публичных заявлений является не столько целью, сколько средством для поддержания и развития переговорного процесса.

В §5 второй главы «Журналисты: дискурс пособничества террористам» разбираются критические дискурсы, заключающиеся в том, что журналисты являются рупором и пособниками террористов.

Первое обвинение состоит в том, что, передавая информацию с места событий, журналисты не придерживаются ограничений, не соблюдают никаких правил, ведут себя непредсказуемо и безответственно. Журналисты, напротив, утверждают, что стремятся следовать большому количеству разнообразных правил, некоторые из которых на сегодняшний день законодательно закреплены (например, об ограничении информации, сообщаемой с места событий). Однако профессиональные задачи требуют передачи максимально полных сведений о происходящем. Пытаясь найти компромисс между законодательно оформленными ограничениями на передачу информации и профессиональными задачами, журналисты идут на определенные ограничения информации, однако считают, что эти ограничения должны быть минимальны.

Второе обвинение в адрес журналистов состоит в том, что они мешают спецслужбам и помогают террористам, так как последние нередко пользуются информацией, передаваемой в СМИ. Несогласие сотрудников СМИ с критикой связано с тем, что передаваемая ими информация является полезной не только для террористов, но и для их оппонентов.

Третье обвинение в адрес журналистов - это обвинение в том, что они являются рупором террористов, тиражируя их требования и политические взгляды. Журналисты возражают, что в СМИ освещается не только позиция террористов, но и позиции всех прочих участников событий, а оглашение

требований террористов, прежде всего, помогает заложникам, являясь своеобразной «платой» за улучшение их положения.

Четвёртое обвинение, адресованное журналистам, опирается на концепцию, согласно которой СМИ обуславливают само существование терроризма. Оспаривая это обвинение, журналисты выдвигают контраргументы: терроризм существовал и до освещения терактов в прессе; возникновение терроризма связано с определёнными политическими и социальными проблемами общества; терроризм, прежде всего, обусловлен личностными культурно-психологическими особенностями террористов.

Глава II завершается **Резюме**, содержащим вывод, что поскольку акторы отказываются признавать свои действия ошибочными, поскольку эти действия соответствуют их интерпретации ситуации, ролевым интересам и профессиональным правилам, можно заключить, что критикуемое поведение акторов «нормально». Иными словами, для представителей рассматриваемых нами групп в ситуации теракта оно является обычным и правильным. А это означает, что действия, вызывающие критику, устойчивы и будут продолжать воспроизводиться.

Глава III «**Антагонизм ролевых интересов и поведенческих стратегий акторов**» посвящена взаимодействию акторов и складывающимся между ними коалициям. Разбираются симпатии и антипатии акторов, анализируются дискурсы и действия, предпринимаемые акторами в отношении друг друга.

В §1 третьей главы «**Две коалиции и взаимоотношения между ними**» анализируются взаимоотношения пяти исследуемых акторов. Выявляются две коалиции, образуемые акторами на основе близких или совпадающих схем интерпретации ситуации, нормативных и профессиональных ориентаций, сходных представлений об оптимальном способе разрешения теракта. Первая коалиция объединяет пострадавших от терактов, переговорщиков-общественников и журналистов, вторая – военных и спасателей.

Анализ взаимодействия акторов демонстрирует, что отношения между акторами, входящими в одну коалицию – дружелюбны. В частности, акторы демонстрируют готовность учитывать интересы друг друга, воздерживаются от критики в адрес партнеров по коалиции, а при обсуждении критических выпадов в адрес участников своей коалиции нередко встают на их защиту.

В то же время отношения акторов из разных коалиций – враждебны. Враждебность выражается во взаимных обвинениях и недружественных действиях относительно друг друга.

В §2 третьей главы «**Столкновение интересов военных и журналистов**» анализируются конфликты между военными и журналистами на основе противоречивых профессиональных интересов и борьбы за информацию. Рассматривается, как в процессе данных столкновений военные скрывают часть информации от журналистов, а также прибегают к дезинформации сотрудников СМИ в целях наилучшей подготовки и проведения спецоперации. Разбираются действия журналистов, стремящихся добыть альтернативную информацию о происходящих событиях, используя обходные пути для получения сведений, замалчиваемых военными, а также транслируя информацию, добытую из других источников.

В §3 третьей главы «**Конфликт интересов переговорщиков-общественников и представителей силовых структур**» анализируется конфликт между переговорщиками-общественниками и представителями силовых структур на основе разнонаправленных ролевых позиций и соперничества за выбор стратегии разрешения теракта. Разбирается, как представители силовых структур, полагающие, что оптимальной стратегией является проведение спецоперации, прибегают к приемам отстранения переговорщиков-общественников от реального участия в процессе разрешения теракта. В свою очередь переговорщики-общественники, считающие, что теракт необходимо завершить компромиссом, используют публичные заявления в прессе и задействуют связи в политических кругах, чтобы помешать проведению спецоперации.

В §4 третьей главы «**Конфликтное взаимодействие пострадавших от теракта и представителей силовых структур**» исследуется конфликт между заложниками и их близкими, с одной стороны, и представителями силовых структур - с другой, который обусловлен взаимоисключающими ролевыми интересами этих двух акторов: стремлением военных провести силовую акцию и желанием пострадавших её не допустить.

Глава III завершается **Резюме**. Проведенный анализ показал, что акторы образуют две враждебные коалиции. Первая коалиция включает заложников, их родственников, переговорщиков-общественников и журналистов. Вторая объединяет военных и сотрудников МЧС. Представители двух коалиций испытывают друг к другу ярко выраженную неприязнь и придерживаются взаимоисключающих представлений о том, как следует разрешать теракт. Взаимная антипатия акторов находит выражение не только в дискурсах, но и во враждебных действиях, направленных против представителей другой коалиции. Причём, как дискурсы, так и склонность к враждебным действиям против участников противоположной коалиции, устойчивы и воспроизводятся от одного теракта к другому. Вследствие этого можно заключить, что антипатия между коалициями закреплена и возникает всякий раз, когда происходит теракт с захватом заложников.

В Главе IV «**Воспроизводимые практики взаимодействия акторов в ситуации теракта**» предлагается модель воспроизводимого взаимодействия исследуемых акторов в ситуации теракта и анализируется вопрос о том, можно ли устранить конфликт между ними.

В §1 четвертой главы «**Повторяющиеся схемы взаимодействия акторов**» на основе анализа, проведенного во второй и третьей главах, рассматривается повторяющееся поведение групп, находящихся в ситуации теракта.

Описываются воспроизводящиеся стратегии, к которым прибегают акторы в ситуации теракта, их интерпретации данной ситуации, цели и

задачи, которые они ставят перед собой, повторяющиеся схемы их взаимодействия.

В §2 четвертой главы «**Причины конфликтов акторов и возможные подходы к их урегулированию**» анализируются причины конфликтов между акторами и возможности их устранения или смягчения.

Выделяется три группы причин, приводящих к возникновению конфликтов. Первый тип причин условно обозначается как «ценностный». В основе его лежат разные представления акторов о том, что является главным приоритетом в ситуации теракта: жизнь заложников или победа над террористами. Приверженность первому приоритету в большинстве случаев демонстрируют заложники, их родственники, переговорщики-общественники и журналисты, тогда как военные и спасатели склонны отдавать предпочтение уничтожению террористов.

Второй ряд причин, приводящих к конфликтам между участниками теракта, можно назвать «профессиональным»: профессиональные задачи некоторых акторов противоречат друг другу. Наиболее очевидно это столкновение проявляется в отношениях военных и журналистов. В то время как журналисты видят свою профессиональную задачу в том, чтобы собрать как можно больше достоверной информации о происходящем, военные стремятся ограничить её попадание в прессу, либо должным образом канализировать. Кроме того, конфликт существует между переговорщиками-общественниками и военными. Так, если первые своей основной задачей считают достижение компромисса между сторонами, то вторые убеждены, что их призвание заключается в решении проблемы силой.

Наконец, третий тип оснований, приводящих к конфликтам, условно обозначен как «сущностный»: действия одних участников теракта угрожают самому существованию других его участников. «Сущностные» причины обуславливают враждебные взаимоотношения заложников и их родственников с военными и спасателями.

Анализ возможностей устранения трех групп причин конфликтов акторов приводит к выводу о том, что полностью элиминировать конфликты нельзя, поскольку унификация задач, ролей и взглядов акторов не представляется возможной.

Вместе с тем конфликты акторов можно смягчить, приняв во внимание противоречивые и нередко взаимоисключающие профессиональные нормы, ролевые интересы и убеждения акторов, вовлеченных в теракт. Учитывая, что разрешение теракта тем или иным способом всегда означает «проигрыш» для одних акторов и «выигрыш» для других, следует стремиться максимально уменьшить недовольство тех, кто оказался в «проигрыше».

Необходимо изменить схему организации спасательных работ, при которой заложники не получают помощи в течение длительного времени, что приводит к значительному количеству жертв. Следует продумать возможность создания специального военизированного подразделения, соответственным образом экипированного и обученного для целенаправленной эвакуации пострадавших в ходе боестолкновения.

Следует совершенствовать корпоративные нормы и правила поведения акторов в экстраординарных ситуациях.

Более эффективная организация взаимодействия акторов способствовала бы снижению интенсивности конфликтов между ними.

В Заключении обобщаются результаты и излагаются основные выводы диссертационного исследования.

В Приложении содержится гайд, используемый в целях проведения глубинных интервью с участниками исследования.

ПУБЛИКАЦИИ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ:

Статьи в рекомендованных ВАК Минобрнауки РФ научных изданиях:

1. Григорьева К.С. Терракт с захватом заложников (Обнаружение институционализированного конфликта «на этой стороне») // *Общественные науки и современность*. 2009, №5. С.52-59. (0,5 п.л.)

Другие публикации:

2. Григорьева К.С. Журналисты и терроризм // *Глобализация и терроризм: противоречия и угрозы XXI века: статьи и доклады Международной конференции*. Москва, 13-15 мая 2008г. – М.:РГГУ, 2008. С.379-386. (0,3 п.л.)
3. Григорьева К.С. Терракт с захватом заложников: обострение внутренних противоречий // *Толерантность и интолерантность в современном обществе: Восток-Запад. Материалы международной научно-практической конференции*, Санкт-Петербург, 22-25 апреля 2008, – СПб.: Из-во СПбГУ, 2008. С. 268-271. (0,3 п.л.)
4. Григорьева К.С. К вопросу об определении терроризма // *Социологические этюды: сборник статей аспирантов*. Вып.2/ Под общ. ред. М.К.Горшкова. – М.: Институт социологии РАН, 2009. С. 39-49. (0,45 п.л.)
5. Григорьева К.С. К вопросу о методологии изучения терроризма // *Материалы III Всероссийского социологического конгресса. Секция 01 «Методология социологических исследований»*. {Электронный ресурс}. – М.: Институт социологии РАН, 2008. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM); 12 см. (0,1 п.л.)
6. Григорьева К.С. Изучение терроризма: подходы, проблемы, решения // *Южный федеральный округ: динамика межэтнических отношений в меняющемся этнополитическом пространстве*. – Ростов-на-Дону/ Пятигорск: Издательство СКАГС, 2009. С. 276-290. (0,6 п.л.)